

Игорь Родневич – выпускник Литературного института им. М. А. Горького в Москве (факультет поэзии). Лауреат и победитель Международных творческих конкурсов (медиа-проект «Самарские судьбы», проект «Ковдория» и др.). Печатался в литературных журналах и альманахах, сетевых поэтических сборниках: «Сибирские огни», «45-я параллель» и других.

Живёт и работает в Петербурге.

ЗЕМНАЯ АСТРОЛОГИЯ

(ВЕНОК СОНЕТОВ ИЗ ЦИКЛА «ОПЫТЫ»)

–1–

Начало тяготеет к эпилогу –
Слиянью поражений и побед.
Судьба даёт избраннику билет,
Пифийский дух вживляя понемногу.

Мы соберёмся поскорей в дорогу,
Но как сберечь Викторианства след?
Сегодня тьма не оттеняет свет
И множит этим старую тревогу.

Всё будет ровно так, как суждено.
И вот уже поэзии вино
Слегка дурманит мозг посылом грешным.

Пусть небу улыбнутся тополя,
Ведь наша целомудренность безбрежна?
Благослови же путника, земля.

–2–

Благослови же путника, земля,
Незримым поцелуем непорочным.
И – в дальний путь, испытывая прочность
Упрямых мыслей – ношу короля.

Фортепианным и минорным «ля»
Вдруг оборвёт Сатурн свою заочность.
В сознание проникнув внеурочно,
Предъявит миру красоту нуля.

Так жизнь утонет в чистоте пороши.
Но холод враг сомкнёт свои ладоши,
И всё вернётся на круги своя.

Взорвётся воздух! В мозг войдёт с Ураном
Неповторимым и шальным обманом:
Январь прокис в бутылки февраля.

–3–

Январь прокис в бутылки февраля.
Уж испечён земной пирог метелей.
Наелись красных ягод свиристели,
И перевёрнут лист календаря.

Неторопливость важная шмеля,
Рождённая в закатном сне апрелей,
Пока лишь сон, и бледность акварелей
Дрожит в ресницах, хмурый день суля.

Бело покуда. Непреодолима
Сегодня грань числа, и я сантима
Не дам, что фирн растает в молоко!

Но ночь прошла – и у весны порога
Сосульки снег заквасили легко, –
То – простокваша, славная, ей-богу.

–4–

То – простокваша, славная, ей-богу.
И хоть промокли ноги от гульбы,
Нас беспокойство мудрое судьбы
Убережёт от бегства к некрологу.

Кто ж подарил избыток сил Ван Гогу,
Рождённому в тот час, когда клубы
Эфирности мятежной так слабы,
Что нет им смысла наряжаться в тогу?

Ответ же прост. – То незабвенный март,
Найдя в крови томленья злой азарт,
Покинул дом свой, как медведь берлогу.

И Марса свет на острие меча
Мелькнул в гелиотропности луча,
Нахальством усмиряя недотрогу.

–5–

Нахальством усмиряя недотрогу,
Апрель вбежал – сиятельный шалун,
Чертёнок милый, бесконечный лгун,
Познавший мир, как европеец йогу.

Он бирюзы лишь капнул на пирогу
Небесную, – та разрослась, как вьюн.
Ему смешно, ведь бесконечно юн
Наш баловень и склонен к монологу.

А мышцы волн, как мысль, затвердевали.
Январское наследство льдов взломали,
Капель звенела, прошлый мрак хуля!

Воистину, нужна большая ловкость,
Чтоб день прошёл – и воссияла лёгкость,
Измерив жизнь беспамятством враля.

–6–

Измерив жизнь беспамятством враля,
Печаль ушла со стёкол вслед за пылью,
Невозмутимость солнца стала былью,
Его взросленье подданным суля.

Поставь на май! И не жалея рубля!
Он Гебы сын, предвестник изобилья.
И потому, в противовес бессилью,
Он не апрельской дудки «тру-ля-ля».

Ударь его, – и колдовство Венеры
Принять сумеет в одночасье меры, –
Умрёшь ты. Растворишься. Станешь – тля.

Но длительность весны быстротекуща.
Земля и воздух обретут созвучья,
К определённости благоволя.

–7–

К определённости благоволя,
Притормозило небо оживленье
Меркурием, а радуг ожерелье
Благоговейно слушалось руля.

Селенный путь, изысканности для,
Высвечивался, и, сквозь недоверье,
В умах зажглось и расцвело поверье
О маяке земного корабля.

Остановилось солнце. Правит миром.
А головокруженье дней над клиром
Людским распределяет гений злой.

Жара стоит, а он и рад предлогу
Ударить нас июнем и войной. –
Весна пришла к печальному итогу.

–8–

Весна пришла к печальному итогу.
Так вымысла доверчивые сны
Кончают жизнь на острие блесны
Желаний, – к ним не выйти на подмогу.

Июлем солнце прикоснётся к стогу,
Сиреневому до голубизны,
Мы ж, пьяным ароматом новизны
Целованные, двинем к Таганрогу.

Ах, месяц мой! Как безоглядно слеп
Был шар земной, когда огонь судеб
Дождём тушил! – И умирали братья.

Шиповник ал, но не похож на мак,
Он не заслужит гневные проклятья. –
Сегодня правит бал заезжий маг.

–9–

Сегодня правит бал заезжий маг,
Землёй повелевающий из ложи
Нам недоступной, и опять под кожей
Стучится жар, отчаянный дурак.

На клочья порван дорогой пиджак,
Но буйством благородства не стреножат.
Окаменелость памяти дороже
Беспамятства воинствующих драк.

Герой не знает разочарованья.
Расцвет постичь движеньем к умиранью
Не может он, а в наказание – мрак.

Не жить ему, и не резвиться с гейшей,
И вот уже потомок августейший
Хитон меняет на осенний фрак.

Хитон меняет на осенний фрак
 Девятый сын, и вечером простуда,
 Хлебнув из человеческого сосуда,
 Взломает разум колдовством атак.

Нетороплив сентябрь. Его рюкзак
 Переполняет августова ссуда.
 И тягостно преемнику до зуда,
 И на Земле страшенный кавардак.

Рябина даже серьги потеряла.
 Оранжевеет лесом покрывало,
 Невнятицу промозглую укрыв.

Чтоб не могла она царить степенно,
 Умчался всадник на дожде в прорыв,
 Ведь череда событий неизменна.

Ведь череда событий неизменна,
 Но ветры нам с три короба наврут,
 А дальше – энтропия иль уют
 В объятиях нелепых бюллетеня.

Здесь притупляет свой азарт геенна.
 Дожди читают нараспев талмуд.
 Воистину, нелеп и жалок труд,
 Добытый произволом сюзерена.

С ним тяжесть век, в нём пустота идей.
 Но из чертополоха бранных дней
 Не выпускает милый сердцу запах.

Я остаюсь у череды могил,
 А солнце эмигрирует на запад.
 Потом – зима. И ей не будешь мил.

Потом – зима. И ей не будешь мил,
 Родившийся под знаком Скорпиона.
 Ты б годеи был, пожалуй, и для трона,
 Когда б усталость сердца подавил.

Ноябрь наш, изнемогаю, пил
 Вино из мягкой амфоры канона,
 Был марным разум и во время оно,
 И в нынешнем на помощь не спешил.

Бог кашу жизни подчинил рассудку.
 Но всё ж мы поклоняемся рисунку
 Слепого монстра из дурацких снов.

Когда печаль вводила внутривенно
 Любимая, из волшебства стихов

Я плёл венок, хоть знал: мирское – тленно.
 Кто не со мной – ответствуй, где резон
 Эпитетом ломать декабрьский сон,
 Стреножить мозг и уходить надменно?

Здесь пауза. Немая мизансцена:
 Заштопан белой ниткой горизонт!
 Но Дед Мороз, как молодой Язон,
 С Харибдой льдов справляется отменно.

Старик не жаден и вершит добро,
 Гуляет по окошку серебро –
 Оснеженный ребёнок благодетства.

Я в мир души, оставшись без ветрил,
 За ковкой духа не выпускал сиротства –
 Так Господа о помощи молил.

Так Господа о помощи молил –
 Хотелось кровью жертвенной умыться.
 В колодце слов студёная водица,
 Но с нею жажды я не утолил.

Уже перо засохло без чернил,
 И я себе позволил усомниться,
 Что озарится белая страница
 Поэзией. – Нет времени и сил.

Качнулся мозг и заработал скоро.
 Мой страх исчез, и тяжесть приговора
 К молчанию нарушена была.

Я подарил изысканности слогу,
 Забыв такие чудные слова:
 Начало тяготеет к эпилогу.

Начало тяготеет к эпилогу...
 Благослови же путника, земля!
 Январь прокис в бутылки февраля,
 То – простокваша, славная, ей-богу.

Нахальством усмиряя недотрогу,
 Измерив жизнь беспамятством вралю,
 К определённости благоволя,
 Весна пришла к печальному итогу.

Сегодня правит бал заезжий маг.
 Хитон меняет на осенний фрак –
 Ведь череда событий неизменна.

Потом – зима. И ей не будешь мил.
 Я плёл венок, хоть знал: мирское – тленно.
 Так Господа о помощи молил.